

ЭТО РАССКАЗ о трудном, горестном и одновременно радостном возвращении человека в жизнь. В этом рассказе живут и глубочайшая любовь к людям, горькая ирония, вера в доброе начало человеческой сущности, которое в конце концов победит, должно победить, не может не победить...

Это рассказ о шести бывших заключенных концлагеря, которые в момент действия пьесы, сразу после освобождения, находятся на излечении в больнице «Святой Рафаэль». Их кормят, содержат в тепле и чистоте, о них заботится командование освободительной армии. Они восстанавливают свое физическое здоровье. Но лагерь, растлевающий яд фашизма, нечеловеческие условия существования сместились, казалось, уничтожили их волю, чувство собственного достоинства, умение активно мыслить, любить и ненавидеть. Такими мы застаем их в начале спектакля. И возникает задача восстановления их нравственного здоровья, их воли; им необходимо вспомнить, что же это значит — быть человеком. Эта задача, пожалуй, самая трудная, и тут человек должен прежде всего помочь себе сам.

...Как пришла бывшим узникам эта мысль: нужно похоронить умершего товарища не так, как привычки хоронить их в лагере, — закопать в яму и крышка, а так, как положено хоронить людей? Эта мысль родилась сначала, кажется, у одного из них, но была подхвачена пятью остальными мгновенно. История этих похорон и стала основным и единственным событием пьесы.

Казалось бы, где и в чем может в этой ситуации проявиться юмор? Но он заложен в самой контрастности мысли: погребение одного стало импульсом для

воскресения других. Юмор и в том, как увлеченно, с каким напряжением сил, целеустремленностью и внутренней радостью действуют эти люди во имя такой, казалось бы, совсем нерадостной цели, как погребение ближнего. Но люди эти радуются, потому что чувствуют: их победа в этом деле, преодоление трудностей приблизят их к естественной человеческой жизни, из которой они были вырваны фашизмом.

А трудности в больнице «Святой Рафаэль» и на воле — в городе — возникают на каждом шагу. Бывшие фашисты, укравшиеся до поры до времени под разными личинами, и просто обыватели, начиненные предрассудками, не хотят в силу своей природы и не могут пойти навстречу бывшим «лагерникам». Даже в малом им отказывают, мешают. Погребение вырастает в событие, проблему, в нечто имеющее не только частное значение.

Для таких, как Феферона, бывшая санитарка больницы для нацистских офицеров (артистка Злата Джуринич), разрешить погребение — значит расстаться с привычкой унижать и повелевать, привычкой, ставшей потребностью. Для священника (Петар Петкович) служить задаром мессу (а ведь у бывших «лагерников» денег нет), как и для возника дать задаром тележку — значит нарушить «святой» закон частной собственности: за добро нужно платить.

Каждый из шестерых по-разному преодолевает эти препятствия. Автору, а вслед за ним театру — актерам и режиссерам — удалось то, что не часто удается на сцене: показать разные пути становления человеческой личности, через поступки исследовать грани характеров.

Вот Пипл (Васа Вртипрашки) —

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

СЕРБСКИЙ национальный театр города Нови-Сад показал зрителям Минска спектакль «Аллилуйя» Джордже Лебовича в постановке Димитрие Джурковича.

Югославскому драматургу Д. Лебовичу сейчас 38 лет. Мальчиком попал он в гитлеровский концлагерь и был там более двух лет. Лагерная жизнь произвела на него тяжелейшее, неизгладимое впечатление, и драматург задумал написать трилогию о жертвах фашизма.

В 1957 году в Сербском национальном театре режиссер Д. Джуркович поставил первую часть трилогии, пьесу «Небесный отряд». В 1965 году осуществлена постановка второй части — «Аллилуйя». В том же году на X Югославском театральном фестивале автор пьесы «Аллилуйя» и режиссер получили премии имени Стерии Поповича.

самый молодой из узников. (В нем отражены некоторые автобиографические черты создателя пьесы). Его воскресение происходит через возвращение к детству. В поисках погребальных дрог и других принадлежностей обряда он встречается на улице с играющими детьми, с настоящим детством. Своего детства он не видел, проведя эти годы в застенках лагеря. Детство, с опозданием на несколько лет, вдруг ворвалось в него. И вот уже почти взрослый юноша самозабвенно играет в игрушки. В товарищи к нему попадает бывший член организации гитлерюгенд — сын убитого фашиста. Так встречаются после войны сирота, сын жертвы, и сын убийцы, сам хлебнувший фашистской отравы. В финале, звучащем почти символически, сын убийцы погибает при взрыве бомбы, которую он спрятал в подвале. А Пипл, сын жертвы, постепенно освобождается от страха и слепого рабского повиновения, обретает внутреннюю свободу, радостную

душевную открытость в восприятии жизни. Артист В. Вртипрашки пластичен и внутренние гибки; в нем бушуют энергия, озорство молодости, простодушие и наивность, не вызывающие сомнения в их подлинности. Ему веришь и видишь, как постепенно верх над страхом берет в нем вера в силу человека.

Сипка (Васа Станкович) — человек, пожалуй, наиболее мрачно, скептически глядящий на жизнь. Но, не веря в магию обряда, он тем не менее активно помогает товарищам организовать погребение, видя, что это необходимо, чтобы вернуть их к жизни. И с ним тоже происходит чудо: через любовь к Наните (Злата Яковлевич), через необходимость помочь людям и к нему тоже приходит просветленность. Думая о неизбежности новой войны, и порывает он с Нанитой. Но и в нем все же крепнет привязанность к людям, его товарищам по страданиям и борьбе. А это уже шаг по пути преодоления неверия в жизнь.

НАШИ ГОСТИ

Премиями имени Стерии Поповича были награждены Велимир Животич за исполнение роли Юстуса и Драголюб Милосавлевич-Гула за роль Мойши.

Юстус — Животич чем-то особенным в начале роли напоминает Дон Кихота. Этот чудакватый человек живет как бы в собственном, выдуманном им мире. Но он — душа «заговора погребения», вдохновитель и полководец этой маленькой армии. Юстус ведет свою армию из пяти полукалек на бой со злом буржуазного мира и прежде всего с фашизмом, с тем, что от него осталось. В ходе развития пьесы мы видим, как в результате преодоления преград растет энергия этого человека. Все меньше и меньше в нем от чудака и все явственнее становятся черты бойца.

Смешной и на первый взгляд, бесхарактерный, почти по-бабьи добрый и рыхлый Мойша — Милосавлевич-Гула поборол в себе страх. К концу спектакля он обнаруживает недюжинную, как бы воспрянувшую от сна волю, умение довести дело до конца, собранность и принципиальность.

Зола (Джордже Елинич) — один из шестерых заговорщиков, по-

жалуй, менее других нравственно пострадавший от лагерной жизни. В прошлом он, по-видимому, вор, человек с дурными наклонностями, и в условиях лагеря ему не приходилось, как другим, ломать внутри себя нечто дорогое и высокое. Но освобождение от плена и участие в истории с погребением и его заставили измениться в лучшую сторону, стать человеческим, честнее.

И, наконец, Зеро (Раде Коуадичнович), бывший кало (смотритель из числа заключенных), избивавший товарищей по лагерю, тяжелый на руку, скорый на расправу. Сейчас его тяготит сознание своей вины. Он хочет стать вровень со всеми остальными, вычеркнуть из жизни годы предательства и преступлений. Но остальные пятеро непримиримы, глухи к его настойчивым попыткам сблизиться с ними. Эти пятеро не могут поначалу простить ему подлость и не принимают от него помощи. Но в конце концов как-то постепенно смиряются. И тут, пожалуй, рождается желание поспорить с автором и театром, так как в результате такого «полупримирения» возникает непольное ковенное оправдание преступления.

В целом же пьеса несет в себе заряд активного гуманизма, гневное осуждение фашизма, калечащего человеческие жизни, человеческую природу. Главное в пьесе — гуманистическая мысль о победе человеческого в человеке, вера в великую силу общности людей. Чувство локтя — вот что в конце концов спасает бывших заключенных, возвращает их снова в круг полноценных людей. И вот почему так неожиданно мажорно звучит «Аллилуйя»: жизнь не

прошла, жизнь начинается снова.

Эта мысль спектакля выражена прежде всего через актеров, которые сделали авторский и режиссерский замыслы зримыми, глухо боко впечатляющими благодаря проникновению в сущность характеров, благодаря строгому единству манеры актерской игры. И все постановочные средства — оформление, музыка, свет, шум — умело направлены на выявление и подчеркивание основной мысли пьесы. И это придает спектаклю стройность и строгость, законченность и цельность. Удивительно выразительно поставлена сцена первого выхода бывших заключенных из больницы в большой мир — город; переданы детскость, радостная непосредственность их первого прикосновения к человеческой жизни. И финалы (их в спектакле два): один — мажорный, где вернувшихся к жизни радостно встречают дети, и другой — окрашенный некоторой растерянностью перед открывшимся миром, перед вопросом, а как же теперь будут они жить, — оба этих финала глубоко впечатляют.

Справедливости ради надо отметить, что некоторая усложненность темы, скупизированность психологического исследования и связанное с этим обилие деталей, крайняя условность обозначения многочисленных мест действия делают спектакль поначалу несколько трудным для зрительского восприятия. Но великодушная игра актеров, талантливость, зрелость режиссерской работы восхищают, удерживают, приковывают внимание к сцене.

И. ИГНАТОВА,
 спец. корр. «Советской культуры».
 МИНСК. (По телефону).